

22 АПРЕЛЯ —
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ
В. И. ЛЕНИНА

ИЗВЕСТИЯ
г. МОСКВА

30 МАР, 1963

СОВЕТУЯСЬ С ИЛЬИЧЕМ

цев. Так была
создана единст-
венная в мире го-
сударственная
коллекция ста-
ринных инстру-

Елена Константиновна Малиновская (1875—1942 гг.) — член КПСС с 1905 года, театральная деятель. После Октября — комиссар государственных театров. В дальнейшем была управляющим московскими государственными академическими театрами, директором Большого театра. Вспоминания Е. К. Малиновской публикуются впервые.

ИНТЕРЕСНАЯ встреча с Владимиром Ильичем произошла у меня в 1918 году в Москве, в театре Московского Совета рабочих депутатов, членом правления которого я работала.

Однажды во время спектакля к окну кассы театра подошел Владимир Ильич и спросил, как ему пройти в зрительный зал. На вопрос кассира, кто он, Владимир Ильич ответил:

— Ленин.

Кассир растерялся и в смятении бросился в комнату правления театра.

— Елена Константиновна, Ленин пришел! Он хочет пройти в зал.

— Где он?

— Там, у кассы.

Не поверив кассиру, я все же направилась в вестибюль и, к крайнему своему изумлению, нашла Владимира Ильича стоящим у окна кассы. Смейся, он сказал мне:

— Раз кассир убежал, испугавшись меня, я вынужден был охранять кассу.

...В 1920 году я управляла московскими государственными театрами, а по совместительству была назначена директором Большого театра. Этот театр отличался сложностью своего организма вследствие разнообразия состава труппы (опера, балет, оркестр и другие коллективы). На нем особенно сильно сказались наследие «императорских театров» — казенщина, косность, рутинность, боязнь всяких новшеств и сопротивление им, аполитичность подавляющего большинства артистов и музыкантов, отсутствие элементарной общечеловеческой, борьба личных амбиций.

В это время положение государственных театров все усложнялось. Дело в том, что принятый Советским правительством курс на сохранение бывших императорских театров встретил возражение некоторых представителей советской общественности. Они смотрели на эти театры как на нечто чужое, ненужное трудящимся. Многие тогда еще не усвоили тезиса Владимира Ильича о том, что, только критически изучив и усвоив все тысячелетие накопленное наследство искусства и культуры, пролетариат сможет создать социалистическую культуру...

ЗАТО эти театры имели и своих заступников, прежде всего в лице Владимира Ильича Ленина, наркома просвещения Анатолия Васильевича Луначарского, ряда старых большевиков, а также в лице отдельных видных деятелей искусства и лучших артистов Большого и других театров.

Надо вспомнить и обстановку того времени: гражданская война, экономическая разруха, топливный кризис, голод, сыпной тиф, растущая дороговизна и полная материальная необеспеченность как театров, так и его работников. Театрам не хватало самых необходимых средств и материалов на декорации, костюмы, пачки, обувь и прочее.

Трудности жизни вызвали еще

в сезоне 1918/19 года массовое бегство артистов на юг (в «хлебные» места) и за границу. В следующем сезоне оно приняло катстрофический характер.

Оставшиеся артисты и другие работники театра выживали из сил. Вынужденные искать добавочный заработок, они увлекались «халтурой», оплачиваемой черным хлебом, пропускали из-за этого репетиции и спектакли. А профсоюз Рабис затягивал утверждение новых ставок, которые могли бы улучшить положение артистов и приостановить их уход из театра. В довершение всего пошли разговоры о закрытии театра из-за топливного кризиса. Вопрос об этом обсуждался в Малом Совнарком, но вызвал там споры и был перенесен на заседание Большого Совнаркома под председательством Владимира Ильича Ленина.

Докладчик — представитель Малого Совнаркома А. В. Галкин взволнованно, даже страстно доказывал, что в условиях начавшейся эпидемии сыпного тифа гораздо важнее отдать предназначенное для государственных театров топливо баням, которые благодаря этому, может быть, спасут сотни рабочих от болезни и смерти. А государственные театры, по его мнению, были не нужны рабочекрестьянской республике, так как они обслуживали эстетические вкусы буржуазии, щекотали нервы барышням в бриллиантах да спекулянтам, а рабочим и красноармейцам ничего не давали.

— Лучше использовать подмошки Большого театра для агитации и пропаганды! — убеждал докладчик.

В красноречивом выступлении Галкина было немало демагогии. К сезону 1919/20 года Управление московскими государственными театрами ликвидировало абонементы, раскупавшиеся главным образом буржуазными и мелкобуржуазными зрителями. Специальная комиссия распространяла все дешевые билеты только среди рабочих организаций, красноармейских частей и учебных заведений. Им же предоставлялось преимущественное право закупки и более дорогих билетов в течение первых двух дней после объявления репертуара. Благодаря такой систе-

Е. МАЛИНОВСКАЯ

□ □

ме театры были всегда переполнены трудящимися. Мало того, с осени 1918 года мы начали систематически обслуживать красноармейские части концертами, в которых участвовали лучшие артистические силы. Обо всем этом докладчик умолчал.

Опровергнуть Галкина было некому, так как ни А. В. Луначарского, ни меня на заседании не было, а выступление нашего представителя не произвело никакого впечатления на членов Совнаркома.

П. Н. Лепешинский, присутствовавший на заседании, позднее рассказывал, что Владимир Ильич сразу поставил вопрос на голосование и лишь как бы мимоходом бросил перед голосованием две-три фразы:

— Мне только кажется, — сказал Ленин, сверкнув смеющимися глазами, — что товарищ Галкин имеет несколько наивное представление о роли и назначении театра. И наследство буржуазного искусства нам рано еще сдавать в архив. Итак, кто за предложение товарища Галкина, прошу поднять руки.

Поднялись две-три руки. Театры были спасены! Но кредиты на топливо были выданы с большим опозданием, лишь после моего обращения к Владимиру Ильичу.

Я решила просить у него приема потому, что положение государственных театров казалось мне катастрофичным.

Я была встречена Лидией Александровной Фотиевой словами:

— Вы опаздываете, Владимир Ильич уже два раза справлялся о вас.

Очень смущенная этим обстоятельством, я торопливо рассказала ему о положении театров. Владимир Ильич мгновенно схватил суть дела и наметил путь, каким надо пойти, чтобы пережить тяжелые годы и сохранить театры. Мало того, он предложил мне ежедневно сообщать ему о трудностях и обещал свою помощь в дальнейшем.

Я ушла окрыленная и, конечно, не решила больше беспокоить его, тем более что после распоряжений Ленина положение резко изменилось и к театрам стали относиться гораздо внимательнее.

При этих условиях преодолевать трудности стало гораздо легче. Несколько улучшилось материальное

положение работников театров, а главное, стал подниматься художественный уровень постановок.

РАЗИТЕЛЬНОЕ всего была перемена в Большом театре, наиболее рутинном. Важную роль в этом сыграло участие в его работе В. И. Немировича-Данченко — большого художника и смелого новатора. Он пришел в театр с новыми, повышенными требованиями и, несмотря на сопротивление труппы, влиял на нее и добивался улучшения качества спектаклей.

Особенно значительные успехи сделал Большой театр в музыкальной области. Его оркестр состоял из первоклассных музыкантов, но по старинке считался второстепенным, аккомпанирующим коллективом, несмотря на то, что в опере самое главное — музыкальная сторона. Заведующий музыкальной частью виолончелист В. Л. Кубацкий стал энергично доказывать, что оркестр — крупная музыкальная величина — должен проявить себя самостоятельно. Он предложил организовать симфонические концерты. Сначала его начинанию сопротивлялись, но вскоре музыканты увлеклись симфоническим репертуаром, дававшим им возможность работать творчески и совершенствоваться. За один сезон было дано 22 концерта из лучших произведений русских и зарубежных классиков. Перед началом концерта неоднократно выступал с яркой речью А. В. Луначарский. Огромный успех концертов у публики превзошел все ожидания. Широкие массы трудящихся впервые получили возможность слушать лучшие образцы симфонической музыки в прекрасном исполнении.

Тот же Кубацкий предложил реквизировать уникальные струнные инструменты у тех лиц, которые не имели отношения к искусству и держали их под спудом как валютную ценность, тем более, что эти инструменты, как и другая валюта, стали «уплывать» за границу. Председатель Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией Ф. Э. Дзержинский поддержал наше предложение и выделил для этого чекиста Прокофьева, а В. Л. Кубацкого уполномочил быть экспертом по определению художественной ценности реквизируемых инструментов.

Сначала были реквизированы инструменты в Центральной России, а затем — на территории юга России, Украины и Крыма по мере их освобождения от белогвардей-

ментов. Эти инструменты, лежавшие без пользы в домах богатей и аристократов, теша их тщеславие, зазвучали в народных аудиториях, так как многие из них были переданы лучшим советским музыкантам.

На основе четырех реквизируемых инструментов работы великого мастера Страдивариуса был создан струнный квартет. В день 50-летия Владимира Ильича Ленин этот квартет участвовал в юбилейном концерте. В. Л. Кубацкий и А. В. Луначарский после концерта рассказали Владимиру Ильичу историю создания коллекции. Он одобрил это начинание и содействовал успешному собиранию инструментов.

Вскоре выяснилось, что важным пунктом нелегальной переправки за границу разных ценностей, в том числе и музыкальных инструментов, является Одесский порт. Ввиду большой ценности реквизируемых инструментов Владимир Ильич распорядился дать для их перевозки из Одессы отдельный вагон. 8 мая 1920 года он написал заместителю наркома путей сообщения В. М. Свердлову следующую записку:

«т. Свердлову.

Прошу предоставить т-щу Прокофьеву, подателю настоящей записки, 1 вагон (классный) для поездки в Одессу и обратно.

Пр. СНК В. Ульянов (Ленин)».

ОДНАКО пропорционально достижениям театров росли и нападки со стороны Рабиса, особенно злобостовавшего против Большого театра. Я очень устала и издержалась от непрерывных атак, от бесконечных комиссий и обследований, которые отрывали и меня и многих других работников театра от работы и тормозили ее.

В таком настроении шла я однажды к А. В. Луначарскому. Во дворе Кремля я встретила Владимира Ильича, который разговаривал с какими-то товарищами. Подождав, он спросил, почему я такая бледная.

— Вероятно, оттого, что очень обижают, — в шутку ответила я.

— Что? Обижают? Так краснеть надо, если обижают! — сказал Владимир Ильич.

Хотя это была шутка, брошенная мимоходом, нельзя не удивляться меткости слов, определяющих стиль революционера, который не имеет права сдаваться перед трудностями, а должен бороться и преодолевать их.